

УДК 821.161.1.09-1

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ СБОРНИКА ПОЛИКСЕНЫ СОЛОВЬЕВОЙ «ВЕЧЕР»

Е. А. Снычёва

Московский государственный областной университет
кафедра русской литературы XX века

В статье рассматриваются образная система и стилевые особенности сборника «Вечер» русской поэтессы Серебряного века Поликсены Сергеевны Соловьевой (Allegro), стихи которой получили благожелательный отзыв Александра Блока. В статье отмечается, что в этой книге, вышедшей в 1914 году в Санкт-Петербурге, содержится немало посвящений поэтам-современникам: Ф. Сологубу, Д. Мережковскому, З. Гиппиус, А. Блоку, В. Иванову, М. Волошину, С. Городецкому, Н. Минскому, А. Герцык.

Автор статьи рассматривает композиционную и мотивную структуру сборника, его эмоциональную палитру, богатство средств художественной выразительности. Особое внимание уделяется тесной взаимосвязи лирики П.С. Соловьевой с традициями символизма – не только в русской, но и в зарубежной поэзии. Проведенный анализ стихотворений сборника позволяет сделать вывод о значимости и глубине поэтического творчества Поликсены Соловьевой, которая была одним из ярких представителей символистской поэзии, настоящим художником слова.

Ключевые слова: *Серебряный век, символизм, поэты-декаденты, образ, мотив.*

Поэтесса Серебряного века Поликсена Сергеевна Соловьева (1867–1924), публиковавшаяся нередко под псевдонимом «Allegro», была хорошо известна в дореволюционной России как автор-составитель журнала для детей «Тропинка», занимавшего в начале XX века значительное место в детской периодике и книгоиздании для детей. Однако следует вспомнить, что П.С. Соловьева опубликовала также семь поэтических сборников: «Стихотворения» (1899), «Иней» (1905), «Плакун-трава» (1909), «Тайная правда» (1912), «Перекресток» (1913), «Вечер» (1914), «Последние стихи» (1924).

Творчество П.С. Соловьевой принадлежит интереснейшему периоду в истории русской литературы, называемому Серебряным веком. Соловьевой довелось общаться со многими писателями и поэтами этого времени, а ее родной брат, знаменитый философ и поэт В.С. Соловьев, оказал большое влияние на таких поэтов-символистов, как А. Блок и Андрей Белый. Поэтому не удивительно, что поэтическое творчество самой Поликсены Соловьевой развивалось в том же, символистском, направлении.

Сборник «Вечер» – одна из наиболее известных ее книг, которой принадлежит особое место в творчестве поэтессы. Здесь не только ощутимы грусть и меланхолия, ставшие, например, главным мотивом сборника «Иней», но и явственно слышатся голоса поэтов-предшественников, символистов, отзываются литературные манифесты той школы, с которой писатели Серебряного века были хорошо знакомы.

Подчас можно встретить утверждение, что стихи Поликсены Соловьевой лишены ярко выраженных индивидуальных черт. На наш взгляд, это не так. В «Вечере» – шестом по счету сборнике стихов (потом будут только «Последние стихи» 1924 года) мы видим сформировавшуюся, профессионально зрелую творческую личность, владеющую самыми многообразными художественными средствами и приемами настоящего мастера слова.

В сборнике «Вечер» 37 стихотворений, год написания ни в одном случае не указан. Следовательно, можно утверждать, что книга построена не по хронологическому принципу. Деления на разделы также нет, как нет и стихотворных циклов (если не считать завершающие книгу «Краткие мысли» [6, с. 56], своеобразные поэтические афоризмы в 4–8 строк о любви, разлуке, природе и красоте). Поэтому поначалу может создаться впечатление, что сборник лишен продуманной композиционной основы. Однако определенная логика в последовательности собранных в книге произведений существует. Стихи располагаются по законам внутренней, эмоциональной драматургии, постепенно уводя читателя от крайнего уныния, печали и грусти в начале сборника – к светлым проблескам надежды и весеннего возрождения в конце. Значительная часть образной системы свидетельствует о медленном переходе от омертвело-зимнего сна к зарождению яркого солнечного дня. Борьба столь разных настроений тяжела и мучительна, и ощущение меланхолической задвленности во многих стихотворениях сборника доминирует. Даже в конце книги, в стихотворении, посвященном А. Блоку, ритм движения к обновлению сбивается и вновь звучит мотив тоски и одиночества, преобладающий в первых стихотворениях «Вечера»: «И я всегда один...» [6, с. 7].

Анализируя сборник, нельзя не отметить еще одну особенность, присущую не только поэзии Соловьевой, но и творчеству других ее современниц-поэтесс (например, З.Н. Гиппиус). Повествование часто ведется от лица лирического героя. М. Волошин, давая характеристику «голосам» современных поэтов, писал: «Поликс<ена> Соловьева. Почти мужской контральто с женскими грудными нотами» [2, с. 461]. Эту характеристику мы находим в предварительном плане статьи М.А. Волошина «Голоса поэтов», где имя Соловьевой названо между именами Марины Цветаевой и Мариэтты Шагинян. Правда, в опубликованный в газете «Утро России» (1912, 21 июля, № 168) вариант текста упоминание о П.С. Соловьевой не вошло.

Сборник «Вечер» открывается коротким, в восемь строк, «Посвящением», в котором много сравнений, метафор и символов. Обращает на себя внимание «звукотемпературный» эпитет: день *шумно-зноен*. В начале книги в этом шумно-знойном дне плачет душа, и для нее «горный путь тяжел» [6, с. 5]. К солнечному, наполненному весенним оживлением и бодрими голосами финалу сборника автор идет не спеша, отдавая дань меланхолическим, печальным настроениям. Мотив потери возлюбленной звучит буквально с первых строк сборника. Память об утраченной любви жива в душе лирического героя, но ему важно не потерять себя. Поэтому он признается: «...плакала душа, но дух мой был спокоен, / Как в вышине орел» [6, с. 5], «В душе горит огонь мой строгий» [6, с. 7]. Меланхолией пронизано и следующее после «Посвящения» стихотворение «Дары». Здесь лирический герой – «печальный и убогий», но в нем горит любовный огонь, от которого «плавится стих» и «золото созвучий» [6, с. 7].

Особое место в образной системе сборника «Вечер» занимает природа. В стихотворении «Тайны леса», состоящем из трех частей, природа молчит, но понимает и принимает мир героя, готова с ним слиться. В описании такой родственности

поэтесса использует яркие, подчас весьма неожиданные, «составные» эпитеты и метафоры: «дух земли грибнисто-влажный» [6, с. 8], «в ласке торжественно-дикой» [6, с. 9], «пни золотятся под мшистым руном» [6, с. 9]. Лирическому герою видится тень его несчастной любви то в темном лесе, то в целой вселенной: «И люблюсь я, царевич печальный, / С темноокою Тайной лесной» [6, с. 10]; «...горит огонь вселенной / Во тьме любимых глаз» [6, с. 5]. Окказионализм *люблюсь* органично дополняет эмоциональную палитру произведения.

Стихотворение «Брат» по жанру – эпитафия. Брат, ушедший в «горний лес» «с молитвенно подъятой головой...» [6, с. 11], характеризуется эпитетами «тоскующий и бедный», ассоциирующимся с пушкинским «рыцарем бедным», который был «с виду сумрачный и бледный, / Духом смелый и прямой» [5, с. 180]. У Пушкина Дева Мария заступилась за покойного паладина, спасла его от беса, у Соловьевой с умершего рыцаря все проклятья снимает лес, природа. О том, что стало затем с паладином в раю, Пушкин не рассказывает, а Соловьева уточняет: рыцарь теперь – «гордый царь мечты своей победной, // Во-век свободный, юный и живой» [6, с. 11].

Следующее стихотворение, «Туманы», – пейзажная лирика, картина ночи, с языческими персонажами, неразрывно связанными с миром природы: это русалки и водяной, выглядывающий в разрывы тумана над рекой. Описывая чудесную, но страшноватую полночь, автор раскрывает магию природы, ее способность властвовать над людьми.

Стихотворение «Пыль веков», посвященное мэтру символизма Ф. Сологубу, – своего рода дань идее бренности мира и великой смертной скорби. Характерные словосочетания – *веяния тоски, страдания детей, утомление великое*, звучит напоминание «о неоплаканных могилах» [6, с. 13]. Здесь же нередкие у Соловьевой оксюмороны: например, «невинно-страшный лик». Лирический герой несет в душе «всю скорбь земли, всю пыль веков!» [6, с. 13]. К этому стихотворению органически примыкает следующее, с наречным названием «Неразрывно». По сути, это панегирик неизбежной смерти. Обреченность всего живого на смерть, по мнению автора, стимулирует ощущение неповторимости жизни, яркость чувств, жар поцелуя, страсть дыхания весеннего цветка: «Без тени смерти – страсти нет» [6, с. 14].

Центральный мотив стихотворения «Новый сон» – о том, что жизнь человека – всего лишь «сон божества». Но можно, «умирая, из светлой страсти / Создать великий и новый сон». Вероятно, имеется в виду некий творческий порыв, благодаря которому рождаются вдохновенные поэтические произведения, «вещие слова», заключающие в себе «все, чем, сгорая, душа томится» [6, с. 15].

Один из сквозных образов сборника – крест, наиболее характерный для начальных стихотворений, ср.: «кресты сосен», «черных елей кресты» («Туманы»); «кресты путей» («Пыль веков»); «кресты дорог» («В дороге»). Готовность нести свой крест выражает и лирический герой, признающий, что его «душа ... покорна, / Ее огонь прохладно-чист...» [6, с. 16]. Символичны такие образы природы, как месяц, луна и звезды. Но месяц иногда суров: «с взглядом угрозным», он блестит, как карающее «лезвие» [6, с. 19], меч Немезиды. Крест – постоянный образ Соловьевой, он символизирует бренность и тленность мира. Так, в стихотворении «Старые письма» когда-то написанные слова – «как позабытые кресты» [6, с. 26]. В «Старом монастыре» при описании церковного погоста вновь упоминаются «кресты и мраморы гробниц» [6, с. 36]. В пейзаже стихотворения «Вечернее» просматривается «далекий крест над белой колокольней». Однако здесь, несмотря на признание героя: «Мне иволга про счастье не поет» [6, с. 37], – возникает мотив ожидания и надежды. Символ этих настроений – умиротворяющий «благовест вечерний» [6, с. 38].

Мотив грозного предупреждения звучит в стихотворении «Совесть», с довольно неожиданным метафорическим образом – криком петуха. Раздающийся «в час урочный», он должен разбудить грешную душу – «от безволя лени сонной, / От измены, затаенной / В тьме трусливого греха» [6, с. 23]. Заметим, что в славянской мифологии петух – воплощение огня, символа очищения.

Во многих стихотворениях сборника просматриваются образы и настроения, характерные для творчества французских поэтов-декадентов. В них отчасти проступает «Бодлера лик» (вспомним, как писал в 1913 году М. Волошин: «Я мысленно вхожу в ваш кабинет: / Здесь те, кто был, и те, кого уж нет, / Но чья для нас не умерла химера, / И бьется сердце, взятое в их плен... / Бодлера лик <...> святой Сатир – Верлен...») [2, с. 53]). Декадентские «химеры» не умерли и в творчестве Соловьевой, но не такие резкие, до натурализма, как у Бодлера, – преобладают усталость и меланхолия: «Без меня отцветают сирени, / Без меня соловьи отпоют...» [6, с. 22]. В стихотворении «Пробуждение» возникает весьма характерный и для западноевропейских декадентов, и для многих русских поэтов рубежа веков образ – «смерти дремлющий цветок» [6, с. 29]. В «Огненном холоде» смерть ассоциируется с зарей: «Встала смерть, как заря» [6, с. 28]. Сон, другой устойчивый мотив сборника, – «злой» (по Бодлеру, «сон – зияющий провал...») [1, с. 168]). Ночь у Бодлера – синоним смерти, она шествует, «с Востока волоча свой саван погребальный» («Раздумье» [1, с. 168]). Отсюда и отношение к сну как к ужасной бездне.

Название стихотворения «Мертвая пляска» («Нагие ветви, как мертвых кости, / Стучат, шатаясь во мгле небес» [6, с. 30]) вызывает ассоциацию с гетевской «Пляской мертвецов» (1815): «Пред сторожем в полночь рядами могил / Погост распростерся в молчанье, / И месяц на плитах холодных застыл / В холодном и чистом сиянье» [4, с. 183]. Но вместо «чистого сиянья» месяца у Соловьевой земля и небо «дышат влажно-холодным дымом». Поэтому «просвета нет» [6, с. 30]. У Брюсова тоже есть стихотворение «Пляска смерти», где смерть предлагает разным людям проплясать с ней до могилы.

В стихотворении «Городская весна», посвященном С. Соловьеву, появляются более светлые мотивы. В центре внимания – простые и радостные домашние хлопоты, разнообразные голоса прохожих. Город полнится весенним оживлением, просыпается от зимней «злой» спячки. Практически весь текст – из назывных предложений, своеобразный калейдоскоп жизни города. Почти то же в посвященном С. Городецкому «Майском утре», где автор, чисто по-женски умиляясь грубоватой простоте жизни, рисует обычную бытовую сценку: горожане со своим скарбом собираются на дачу.

Стихотворение «Февраль», которое, по логике смены времен года, должно бы располагаться до «Городской весны», размещено далее, так как в нем уже нет зимнего «злого» сна. Авторская интонация заметно меняется: осязательны надежда и даже улыбка, хотя пока еще грустная. Весь текст строится на эпитетах: февраль тут *изменчивый, улыбчиво-грустный, предвешний, краткий* [6, с. 39–40]. Органичное продолжение – светлое, умиротворенно-патриархальное стихотворение «Свете тихий», посвященное О. Беляевской. «В сельском храме, простом, убогом» слышно, как «вздых молитвы под сводом реет» [6, с. 41]. «Ангел сходит к земле с приветом», с мольбой обращается к Богу, и ему вторит вся природа. Метафизическое Божественное и физическое Природное соединяются в желании совершенствовать мир.

Первая часть книги заканчивается стихотворением «Майское утро». Оно далеко от романтизма и символизма, это скорее сугубо реалистическая зарисовка:

люди собираются бежать из города, где пыльно, жарко, «скучные мухи», «пахнет дегтем, потом...» [6, с. 43]. Но главное, что в «Майском утре» бодрости и весеннего движения гораздо больше, чем «нытья хриплой шарманки» [6, с. 42], поэтому здесь так много глаголов: «притащили, прикрутили», «повезли», «рванулся вихрь весенний».

Далее – «Частушки», не лишённые юмора и в то же время лирического начала: «Что, зеленая трава, / Не растешь до Покрова? / А и милого слова / Хороши до Покрова» [6, с. 45]. Непростая крестьянская жизнь отражена в другой частушке, пронизанной больше грустью, чем весельем: «Хороша наша трава: / До Петровок погнила. / Уродилась наша рожь: / На посев не соберешь» [6, с. 46]. Фольклорный жанр появляется в сборнике несколько неожиданно, но мотивированно: он соединяет первую часть книги со второй, в целом звучащей более оптимистично.

Однако в следующем произведении, названном «Два Содома» и посвященном М. Волошину, поэтесса вновь обращается к темной стороне бытия. Лирический герой признается, что «порока огненные чаши / Всю жизнь... смело пил до дна» [6, с. 47], но теперь, обращаясь к Богу, просит сжечь и его, и «родной Содом». Сопоставляются два «сна»: история Содома и «древний сон земной гордыни» [6, с. 48], сегодняшняя реальность и «сон иной», не менее грозный. Сон окрашен в тревожные тона, лирический герой трепещет, видя «скорбный Лик» и слыша «тихий голос громче грома»: «Я все простил сынам Содома, / Но вам, познавшим, не прощу» [6, с. 48].

Стихотворение «Светлый конец» – это предсмертная песня деревьев, «братьев-великанов», «творивших таинство жизни», познавших «звездные приметы, думы облаков», а теперь превратившихся в дрова для камина. Огонь у Соловьевой – языческий символ очищающей вольной стихии, на встречу с ним идут с радостью, чтобы «таинство смерти творить»: «Конец наш мы радостно встретим» [6, с. 49]. Деревья к этому готовились долго: «Нас к огненной смерти готовил багрянец зари...» [6, с. 49]. В финале под пеплом рдеет последнее дыхание: «Мгновенья последние тихи и ясны: / Прекрасные в жизни – и в смерти прекрасны» [6, с. 50].

Короткий текст «Несмущенный» посвящен Вяч. Иванову (1866–1949), русскому поэту-символисту, яркому представителю литературы Серебряного века. Несмотря на то, что еще в 1908 году у Иванова произошел разрыв со старшими символистами (он увлекся теорией «мистического анархизма»), Соловьева подчеркивает: «огненный покой» лирического героя – знак напряженности духовного поиска. Этот путь непременно приведет возвышенную душу к «верному уделу». В финале она использует образы, характерные для символистской поэзии: «О, погляди, как смерти белый полог / От алых роз зардел» [6, с. 51].

Старшими символистами (часто именуемых «декадентами») были В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус. В сборнике П.С. Соловьевой «Вечер» им посвящено несколько текстов: стихотворение «Пыль веков» – Ф. Сологубу, «Белый цветок» – Д. Мережковскому, «Неразрывно» и «Краткие мысли» – З. Гиппиус. О Бальмонте в книге говорят персонажи. К младшим символистам обращены стихотворения «Несмущенный» (В. Иванову) и «Серый волк» (А. Блоку). Другие адресаты – Н. Минский («Прошло»), А. Герцык («Власть дождя»), С. Городецкий («Майское утро»), О. Беляевская («Свете тихий»), М. Волошин («Два Содома»).

В свою очередь Максимилиан Волошин посвятил П.С. Соловьевой стихотворение «Над горестной землей – пустынной и огромной...», в котором есть

такие строки: «Колочий ореол, гудящий в медных сферах, / Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты / И гасишь темный луч в безвыходных пещерах / Вечерней пустоты» [3, с. 67]. Как видим, тут и крест, и закат, и ощущение «вечерней пустоты» – все, что обнаруживается во многих стихотворениях сборника Соловьевой «Вечер».

Стихотворение «Городская весна» посвящено С. Соловьеву – скорее всего, племяннику поэтессы, поэту Сергею Михайловичу Соловьеву (1885–1942), внуку историка С.М. Соловьева (отца Поликсены – «Allegro»), троюродному брату А. Блока и другу А. Белого. С. Соловьев выпустил несколько стихотворных сборников: «Цветы и ладан» (1907), «Sturifragium» (1908), «Цветник царевны» (1913).

В конце книги, в большом стихотворении «Серый волк», вновь звучат фольклорные мотивы. «Двенадцать томительных лет» Серый Волк несет на себе лирического героя и его Царевну «по топким и тайным тропам» [6, с. 53]. Разнообразные художественные средства, использованные в описании этого путешествия (олицетворения, окказионализм *жемчужил* и другие), навевают атмосферу сказочного волшебства, как на картине Васнецова «Иван Царевич на Сером Волке» (1889): «Мы слушали травные были / И сказки неслыханных птиц. / Вдали, за лесом, светили / Нам взгляды кратких зарниц» [6, с. 54]. Но что будет дальше с Царевичем, Царевной и Серым Волком? Соловьева пишет свое продолжение этой сказочной истории: душа Царевича, «от леса рожденного», горит «вечерним огнем» [6, с. 55], как и весь лесной мир, но Царевна не видит в этом подвига. И Царевич осознает, что им суждены разные пути. Душевное состояние лирического героя в печальный момент расставания резко и ярко подчеркивается пейзажем: «В пожаре весь воздух, и рдеет / Трехгранный полет журавлей [6, с. 55]. Царевич с горечью признает: «Судьба моя, Волк ты мой Серый, / С тобой я останусь вдвоем» [6, с. 55].

В заключительном цикле «Краткие мысли» вновь возникает мотив тоски и одиночества. Он показателен, поскольку истинный поэт, по Соловьевой, должен пройти через страдания, перетерпеть их, лишь тогда душа будет очищена и вознаграждена: «Тогда сберешь ты дикий мед / С цветов и горьких трав разлуки» [6, с. 60].

Таким образом, книга П.С. Соловьевой «Вечер» полна глубоких философских раздумий о нелегком жизненном пути человека, об одиночестве и любви. С одной стороны, душа лирического героя часто охвачена унынием и печалью, с другой – не теряет способности надеяться и верить. Своеобразным жизненным кредо автора можно считать завершающие книгу строки из цикла «Краткие мысли»: «Не называй себя несчастным, / Безгрозный жизни день унылым не зови: / Ты можешь совершить и вечером ненастным / Свой подвиг горестный любви» [6, с. 60].

Список литературы

1. Бодлер Ш. Цветы зла. М. : Высш. шк., 1993. 512 с.
2. Волошин М.А. «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы. Проза, критика, дневники. М. : Моск. рабочий, 1989. 606 с.
3. Волошин М.А. Стихотворения и поэмы. СПб. : Петерб. : Наука, 1995. 704 с.
4. Гете И.В. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1985. 704 с.
5. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1825–1836. М.: Худож. лит., 1974. 686 с.
6. Соловьева П.С. (Allegro). Вечер. Стихи. СПб. : Книгоизд-во «Тропинка», 1914. 64 с.

**FEATURES OF POETICS OF THE COLLECTION “EVENING”
OF POLYXENA SOLOVYEVA**

E. A. Snycheva

Moscow State Regional University
the department of Russian literature of the 20-th century

The figurative system and style features of the collection “Evening” of the Russian poetess of the Silver age Polyxena Sergeyevna Solovyeva (*Allegro*) which verses received a kind comment of Alexander Blok in this article. The article it is noted that this book which appeared in 1914 in St. Petersburg contains many dedications to contemporary poets, such as F. Sologub, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, A. Blok, V. Ivanov, M. Voloshin, S. Gorodetsky, N. Minsky, A. Gertsyk.

The author of the article considers the composite and motivny structure of the collection, its emotional palette, richness of means of art expressiveness. A special attention is paid to the close interrelation of P.S. Solovyeva’s lyrics with traditions of symbolism – not only in Russian, but also in foreign poetry. The carried-out analysis of poems of the collection allows to draw a conclusion on the importance and depth of poetic creativity of Polyxena Solovyeva who was one of the bright representatives of symbolist poetry, the true artist of the word.

Key words: *Silver age, symbolism, poets decadents, image, motive.*

Об авторе:

СНЫЧЁВА Екатерина Анатольевна – соискатель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета (142100, Московская область, Подольск, ул. Мраморная, д. 4.), e-mail: Snychjova@rambler.ru.